

Проект воспитания г-на де Сент-Мари

Вы оказали мне честь, сударь, доверив воспитание ваших благородных детей; дабы оправдать сию честь, я должен отдать все мои старания и все знания, какими располагаю; я думаю, что первая моя обязанность — хорошенько узнать тех, с кем мне предстоит иметь дело. Вот на что я главным образом и употребил мое время с тех пор, как имею честь находиться в вашем доме; я надеюсь, что достаточно преуспел в этом отношении, чтобы составить план воспитания. Нет необходимости, сударь, делать вам комплименты по поводу того хорошего, что я заметил в ваших детях: привязанность, которую я уже питаю к ним, выражается в более существенном, нежели простая похвала, а столь любящему и просвещенному отцу, как вы, нет нужды узнавать от посторонних о прекрасных качествах его детей.

А теперь мне хотелось бы, сударь, чтобы вы сами сообщили мне, какие особые виды имеете вы на каждого из них, каковы ваши намерения по поводу власти над детьми, которую вы мне предоставите, и где границы моих прав в отношении наград и наказаний.

Я думаю, сударь, что, оказав мне предпочтение и приняв в ваш дом с почетным жалованьем и лестными знаками внимания, вы ожидаете от меня результата, который соответствовал бы столь выгодным условиям. Вряд ли вы решились бы на такие расходы и почести, чтобы дать вашим благородным детям обыкновенного наставника, который всего-навсего обучал бы их «Начаткам»¹, орфографии и катехизису: вот почему я даю себе обещание приложить все силы, дабы оправдать благоприятные надежды, которые вы могли иметь на мой счет, и, как бы ни грешил я ошибками и слабостями, вы можете быть уверены в том, что я ни на одно мгновение не ослаблю усердия и привязанности, которые почитаю своим долгом в отношении учеников.

Но, сударь, каковы бы ни были те заботы и труды, которые я беру на себя, успех будет зависеть далеко не от меня одного. Нерушимое

согласие, которое должно царить между нами, доверие, которым вы меня почитите, и власть, которую вы предоставите мне над моими учениками,— вот что решит успех моих трудов. Я думаю, сударь, для вас очевидно, что человек, не имеющий никаких прав по отношению к детям, не может ни сделать свои поучения приятными, ни придать им вес: он никогда не добьется влияния на умы детей, ибо дети, какими бы развитыми они ни были, в определенном возрасте подчиняют чувствам и ощущениям три четверти своих поступков. Вы понимаете также, что такой учитель, даже недовольный поведением ребенка, будет пользоваться любым удобным случаем, чтобы промолчать, лишь бы не надоедать родителям бесполезными сетованиями. К тому же при таком положении вещей в отсутствие отца и матери или в другой, столь же неподходящий момент воспитатель вынужден упускать тысячи мелких поводов пожурить или вовремя похвалить ребенка, а возвращаясь к этому позже уже не годится, ибо перемена в мыслях ребенка сделает для него пагубным то, что могло стать полезным. И наконец, дети немедленно замечают бессилие учителя по отношению к ним и, пользуясь этим, перестают обращать внимание на его запрещения и поучения, что в конец разрушает то влияние, которое воспитатель пытался оказать на них. Вы не должны думать, сударь, что, изъясняясь в таком тоне, я желаю получить право награждать ваших детей побоями; я всегда выступал против этого метода. Было бы весьма печально для г-на де Сент-Мари, если бы нам пришлось избрать этот путь для его воспитания; и я имею смелость надеяться, что добьюсь от него безоговорочного повиновения с помощью гораздо менее суровых и более подходящих методов, если только вы одобрите план, который я имею честь вам предложить. Откровенно скажу, что если вы, сударь, считаете позорным, чтобы вашего благородного сына были чужие руки, то и я со своей стороны тоже нахожу, что для порядочного человека нет более бесчестного занятия, нежели телесное наказание ребенка. Что касается г-на де Сент-Мари, то есть много способов наказать его, в случае необходимости, путем унижений, они произведут на него куда большее впечатление и дадут лучший результат: при таком живом уме, как у него, воспоминание о порке утихнет вместе с болью, в то время как мысль о проявленном к нему презрении или о чувствительном для него лишении долго не покинет его.

Учителя должно бояться; для этого нужно поселить в ученике твердую уверенность, что воспитатель имеет право его наказывать. Но особенно важно, чтобы наставник был любим учеником. А каким образом можно добиться любви ребенка к наставнику, если этот последний всегда предлагает ему занятия, противоречащие детскому

вкусу, если при этом он не имеет власти делать приятное ребенку в мелочах, почти не требующих ни расходов, ни потери времени и которые, если их приберечь к подходящему случаю, паверияка будут особенно дороги ребенку, создавая у него сильную привязанность к учителю? Я не буду особенно настаивать на этом пункте, ибо отец может без всяких оговорок оставить за собою исключительное право оказывать милости своему сыну, при условии, что он сделает это достаточно осмотрительно; особенно необходима осторожность в отношении г-на де Сент-Мари, чья живость и склонность к развлечениям вызывают необходимость более строгого обращения. Поэтому:

1) Прежде чем сделать ему какой-либо подарок, нужно тайком узнать у гувернера, доволен ли он поведением ребенка.

2) Объявить молодому человеку, что в том случае, когда ему нужно что-либо попросить, он должен это сделать через воспитателя; если же ребенок осмелится обратиться с просьбою к старшим по своему усмотрению, то этого будет уже достаточно, чтобы ее не довлетьорить.

3) Воспользовавшись подходящим случаем, иногда упрекнуть воспитателя в чрезмерной доброте, в том, что его излишняя мягкость вредит успехам его воспитаника и что лишь его собственная сдержанность поможет исправить несдержанность ребенка.

4) Если учитель считает, что у него есть причины возражать против какого-то подарка, который хотят сделать его воспитаннику, надо безусловно отказывать в этом ребенку до тех пор, пока он не найдет средства смягчить и уговорить своего наставника. Впрочем, в том случае, когда к ребенку проявляют благосклонность, вовсе нет необходимости объяснять ему, что это делается именно потому, что он хорошо выполняет свои обязанности. Лучше дать ему понять, что удовольствия и нежное отношение — естественные последствия благородства и хорошего поведения, но ни в коем случае не произвольные награды, которые могут зависеть от дарящего; по сути, они никогда не должны предлагаться ребенку как цель учения и добродетели или плата за них.

Вот, вкратце, те права, сударь, которые вы должны мне предоставить в отношении вашего благородного сына, если вы желаете дать ему хорошее воспитание; оно будет отвечать прекрасным качествам, проявляемым им в ряде случаев, но в настоящее время подавляемым многими плохими привычками, которые необходимо исправить вовремя, пока характер ребенка еще поддается исправлению. Бессспорно, это наша первая и насущнейшая задача, тогда как, например, по отношению к г-ну де Кондильяку² такие предосторожности излишни, ибо он столько же нуждается в поощрении, сколько другой — в запретах, и я сумел повести себя с ним соответственно. Но для воспитания г-на де Сент-Мари есть только один способ: держать его в узде,

которую он будет ежеминутно опущать. Те чувства, которые он должен питать ко мне согласно выраженному вами желанию, при теперешнем состоянии дел зависят больше от вас, чем от меня.

Оsmелюсь предположить, сударь, что вы поостереглись бы доверить воспитание ваших детей человеку, которого не считаете достойным вашего уважения. Не думайте, что в той деликатной ситуации, в которой я принял решение прочно связать свою судьбу с вашим домом, я намеревался каким-либо образом возложить на отца часть ответственности за воспитание детей. Между нами очень большое различие: выполняя мой долг настолько, насколько вы мне предоставите в этом отношении свободу, я ни за что не отвечаю. В сущности, в вопросах воспитания ваших детей я не считаю себя вправе навязывать вам свои правила, ибо вы первый учитель и естественный руководитель ваших детей. Таким образом, я счел обязательным высказать вам свои соображения, и, если выяснится, что вы держитесь иного мнения, совесть моя будет все же чиста и мне останется только подчиниться вашей воле. Что же касается вас, сударь, то ничьи соображения не могут идти вразрез с тем, как вы сами смотрите на свои обязанности по отношению к своим детям. И я не вижу ничего плохого в том, что вы позаботитесь о лучшем воспитателе, если откроете во мне недостатки, которых, может быть, вначале и не заметили, но которые могли бы иметь известные последствия для моих учеников.

Итак, я имею основания думать, что, поскольку вы терпите мое присутствие в своем доме, вы не обнаружили во мне таких недостатков, из-за которых я утратил бы уважение, коим вы меня удостоили. Правда, я мог бы пожаловаться, сударь, что вы не сделали мне чести запросто выговаривать мне в том случае, когда я совершил какую-нибудь ошибку. О такой милости я попросил, едва появившись у вас в доме, и это по крайней мере говорило о моих благих намерениях и было сделано не столько в моих интересах, сколько в интересах ваших благородных детей: это для них я обязан добиваться совершенства, если оно возможно.

Исходя из вышесказанного, я надеюсь, сударь, что для вас не будет трудно внушить вашему благородному сыну те добрые чувства, какие вы, вероятно, испытываете ко мне сами. Невозможно, чтобы такой проницательный взгляд, как ваш, не заметил моих ошибок и слабостей, но я желал бы все же, чтобы в присутствии сына вы избегали говорить о них. Такие впечатления действуют сильно; как говорит г. де Лабрюйер, первая забота детей — искать слабые места у своих наставников, чтобы иметь право презирать их³. Полагаю, нет нужды спрашивать, какое впечатление могут произвести уроки человека, к которому его ученик испытывает презрение.

Я смогу говорить об успехах в воспитании вашего сына только тогда, когда я добьюсь, чтобы меня любили, боялись и уважали. Если мне скажут, что все это должно быть результатом моего труда, а в неудаче виноваты только мои ошибки, то я не соглашусь с таким несправедливым суждением. Вы никогда не объяснялись со мною в отношении меры власти, которую вы позволяете мне применять к вашему сыну, а это тем более необходимо, что я начинаю дело, которым никогда еще не занимался. С самого начала я обнаружил в ребенке решительное сопротивление моим указаниям и полное пренебрежение ко мне самому и не знал, как приструнить его; при малейшем недовольстве он искал защиты у своего отца, вероятно, не упуская при том случая изобразить дело на свой манер.

С счастью, зло не запло слишком далеко; он еще в том возрасте, когда можно не торопясь узнавать друг друга, и это промедление не нанесло большого ущерба его успехам; впрочем, слабость его здоровья все равно не позволила бы ему развиваться быстрее *. Но плохие привычки, опасные во всяком возрасте, особенно опасны именно в его лета; пришло время навести в этом строгий порядок; дело не в том, чтобы загрузить его учением и заданиями, но чтобы как можно раньше воспитать в нем привычку к повиновению и порядку, которая со временем еще более укрепится.

Приближается конец года. Вы не найдете, сударь, более естественного повода, чем наступление нового года, чтобы провести с вашим сыном короткую беседу, доступную его возрасту. Показав ему преимущества хорошего воспитания и плохие последствия дурного руководимого детства, вы склоните его к добровольному выполнению того, чего мы позднее будем требовать от него для его же собственной пользы. После этого соблаговолите в его присутствии передать мне все полномочия власти по отношению к нему. Вы объявите ему, что обладаете мною правом заставлять его выполнять свой долг всеми способами, какие я сочту подходящими, и прикажете ему, вследствие того, подчиняться мне точно так же, как вам лично, под угрозой вашего негодования. Единственная цель подобного внушения — произвести сильное впечатление на вашего сына, все же остальные инструкции соблаговолите дать мне наедине.

Вот, сударь, те необходимые предварительные условия, которые дадут мне уверенность в том, что старания, проявленные по отношению к вашему сыну, не будут напрасными. Теперь я изложу проект его воспитания, каким я представляю его себе на основании всего,

* Когда я прибыл в дом, он был очень слаб; теперь его здоровье заметно улучшилось.

что я успел узнать о характере вашего сына и о ваших планах. Это не окончательный план, который я предлагаю неукоснительно выполнять, но только проект; ваша эрудиция и знания г-на аббата⁴ помогут усовершенствовать его, а г-ну аббату он даст некоторое представление о характере ребенка, с которым мы имеем дело. Я буду счастлив, если ваш уважаемый брат согласится руководить мною на стезе, которую я избрал для себя; он может быть вполне уверен, что моим главным и нерушимым принципом будет готовность следовать, насколько позволят мои скромные познания и способности, по тому пути, который он соблаговолит мне указать с вашего согласия.

Цель, которая должна быть поставлена при воспитании молодого человека, заключается в том, чтобы сформировать его сердце, суждения и ум; и именно в том порядке, в каком я назвал их. Большинство учителей, в особенности педанты, рассматривают приобретение и накопление знаний как единственную цель хорошего воспитания, не думая о том, что часто, как говорит Мольер: «Ученый дурак глупее дурака необразованного»⁵.

С другой стороны, многие отцы, пренебрегая тем, что называется учением, стремятся воспитать своих детей лишь посредством телесных упражнений и знания света. Мы остановимся как раз на середине между этими крайностями, чтобы руководить вашим сыном. Нельзя пренебрегать науками; ниже я разъясню почему. Но занятия науками не должны предшествовать нравственному воспитанию, особенно для людей блестящего и пылкого ума, неспособного еще к сосредоточенности,— это может повредить ему в столь раннем возрасте. К чему служат человеку знания Варрона⁶, если он при том не умеет правильно мыслить, если он имел несчастье позволить развернуть свое сердце? В этом случае знания в его голове уподобятся оружию в руках безумца. Из двух людей, одинаково погрязших в пороке, менее образованный всегда принесет меньшее зла. Науки, даже самые отвлеченные и внешние наиболее далекие от практической жизни, все же обостряют ум и, упражняя его, придают ему силу, которой очень легко злоупотребить на жизненном пути, если имеешь жестокое сердце.

Я скажу даже более того. Г-н де Сент-Мари питает живейшее отвращение ко всему, что имеет отношение к занятиям и прилежанию. Боюсь, понадобится много искусства и времени, дабы исправить это положение. Жаль, если это время пропадет даром; совсем не годится его принуждать к учению, лучше уж ему вовсе не знать, что такое науки, чем пропасть к ним только для того, чтобы их возненавидеть.

Что касается религии и морали, то внушайте ему твердые принципы, которые послужат руководством к поведению в течение всей последующей жизни, но добивайтесь их усвоения как угодно, только не читайте ему бесчисленные наставления. Нужно меньше отягощать его память всякими подробностями законов и обязанностей, преподавая лишь основные понятия, доступные его возрасту, нужно подготовливать его ум и сердце к тому, чтобы познать и оценить их, по мере того как представится случай ознакомить его с ними. Именно потому такое обучение и будет соответствовать его возрасту и его уму, что оно заключается в любопытных занимательных примерах из общественной жизни, из истории искусств и ремесел, а также в рассказах о том, как разнообразны пути, коими Провидение сделало всех людей полезными и необходимыми друг другу.

Такие темы, являющиеся скорее материалом для бесед и прогулок, нежели для регулярных занятий, будут иметь еще и другие преимущества, польза которых мне кажется бесспорной.

Во-первых, не угнетая его ум мыслями о принуждении и регулярных занятиях и не требуя от него тяжкой и длительной сосредоточенности, они не будут вредить его здоровью. Во-вторых, они заранее приучат его ум к размышлению, к тому, чтобы оценивать явления в их развитии и по результатам. В-третьих, они сделают его любознательным и внушат любовь к естественным наукам.

Я хочу предупредить мой проект одним замечанием: прочитав его, можно вообразить, что я только и думаю, как бы развлечься и избавить себя от всего сухого и скучного, что имеется в занятиях, желая доставить себе более приятную работу. Я не думаю, сударь, чтобы у вас явились подобная мысль на мой счет. Вероятно, никогда ни один человек не считал свое дело столь важным, каким я полагаю дело воспитания ваших детей. Как бы мало вы ни хотели поддержать меня в моем усердии, вряд ли вы до сих пор могли упрекнуть меня в том, что я избегаю работы. Просто я не считаю нужным изображать чрезмерные занятость и старание, не пытаюсь перегружать своих учеников трудной и скучной работой и держаться с ними сурово и неприветливо, дабы таким образом составить себе репутацию пунктуального и трудолюбивого педагога. Нет, сударь, я объявляю раз навсегда: ревностный и щепетильный в выполнении своего долга, я не способен давать себе поблажку в чем бы то ни было; ни мой характер, ни мои принципы не позволяют мне допустить хоть малейшее послабление, но из двух путей, сущих мне одинаковый успех, я всегда предпочту тот, который принесет меньше затруднений и неприятностей моим ученикам. Отнюдь не желая сойти за очень занятого человека, я смею все же заверить вас, сударь, что, чем

меньше дети будут сидеть над заданиями, тем больше труда я, следовательно, вложил в них.

Если и существуют такие обстоятельства, при которых строгость по отношению к детям становится необходимостью, то это случай, когда под угрозой их нравственность или когда налицо дурные привычки, которые надо исправлять. Часто бывает так: чем ребенок умнее, тем больше сознание собственных достоинств затрудняет ему приобретение недостающих ему качеств. Отсюда презрение к нежестоящим, неподчинение вышестоящим, невежливость с равными себе: в какие только странности не впадают те, кто считают себя безупречными. Г-н де Сент-Мари слишком умен, чтобы не знать о своих хороших качествах, но, если не соблюсти предосторожности, он их переоценит и не сумеет извлечь из них все, что можно было бы. Семена тщеславия уже выросли у него в разные мелкие недостатки характера, которые необходимо исправить. В этом отношении, сударь, мы непременно должны действовать с вами сообща: чрезвычайно важно, чтобы в тех случаях, когда ваш сын даст повод для недовольства, он со всех сторон видел презрение и безразличие к себе, которые будут его угнетать тем более, что эти признаки холодности для него совершенно непривычны. Мы станем бороться с высокомерием вашего сына его же собственным оружием, поражая его в зародыши; можно не сомневаться, что г-н де Сент-Мари обладает слишком благородною душой, чтобы остаться равнодушным к уважению людей, которые ему дороги.

Сердечное благородство, когда оно подкреплено разумом, воспитывает и ум: честный человек почти всегда мыслит правильно. Тот, кто с детства приучен не бояться рассуждений, кто предается удовольствиям момента, лишь взвесив последствия и сравнив их преимущества с неудобствами, тому достаточно приобрести хоть некоторый жизненный опыт, и он уже будет в состоянии обо всем составить собственное твердое мнение. И в самом деле, благоразумие, как мне кажется, более зависит от сердечных чувств, нежели от просвещенности ума; давно установлено, что самые ученые и самые образованные люди не всегда ведут себя в жизненных перипетиях наилучшим образом. Итак, после того как г-ну де Сент-Мари будут внушены положительные нравственные принципы, можно считать, что он в известном отношении достаточно продвинулся вперед в умении рассуждать. Если и существует какой-нибудь особенно важный момент в его воспитании, то, без сомнения, именно этот; нельзя избрать более удачный способ научить его разбираться в людях, влиять на них через их добродетели и даже через их слабости, чтобы достичь намеченной цели, и выбирать наилучшее решение в затруднительных обстоятель-

ствах. Это будет частично зависеть от того, каким образом его будут упражнять во всестороннем изучении явлений, а частично от обычаем, принятых в свете.

Что касается первого пункта, то вы, сударь, можете оказать здесь весьма плодотворную помощь, делая вид, что советуетесь с ним, как вам вести себя в выдуманных вами случаях; это польстит его тщеславию, и он не посчитает за труд обсуждение какого-то дела, если при этом будет учитываться его мнение. Именно такие беседы лучше всего просветят его в отношении знания света; таким путем он за два часа узнает больше, чем он успел бы узнать за год путем отвлеченных наставлений. Но нужно поостеречься предлагать ему материал, не соответствующий его возрасту, и довольно долгое время упражнять его ум на таких задачах, где наилучшее решение находится без усилий,— пусть ему кажется, что он нашел это решение самостоятельно. Кроме того, нельзя приучать его подходить к жизненным делам, как к цепи проблем, где любое решение кажется одинаково допустимым; это воспитает в нем безразличие и отвращение к решению проблем вообще, а также нерешительность и вялость характера и поведения.

Знание света также абсолютно необходимо, тем более для г-на де Сент-Мари: будучи застенчивым от рождения, он особенно нуждается в том, чтобы часто бывать на людях, научиться не конфузиться там, но вести себя с той непринужденностью и изяществом манер, которые отличают человека светского и приятного в обществе. Для этой цели, сударь, благоволите указать мне два-три дома, куда я мог бы иногда водить его под предлогом отдыха и поощрения; правда, что я сам нуждаюсь в исправлении тех недостатков, которые стремлюсь предупредить у вашего сына, отчего и могу показаться мало для этого пригодным. А потому вы сами, сударь, вместе с его матерью должны определить, какое общество ему подходит, и позаботиться о том, чтобы иногда брать его с собою, если сочтете это для него более полезным. Хорошо было бы также иногда при гостях задержать его в комнате и, задавая вопросы по содержанию беседы, незаметно позволить ему принять в ней участие. Но есть один пункт, в отношении которого я опасаюсь не сойтись с вами во мнениях. Когда г-н де Сент-Мари находится в обществе в вашем присутствии, он шутит и ревнится подле вас, он не сводит глаз со своего отца; разумеется, эта нежность весьма приятна и льстит вам. Но, когда он находится среди чужих и вынужден беседовать с ними, он тотчас же теряется вконец, не может шагу ступить, не умеет слова сказать или же ударяется в другую крайность, допуская какие-нибудь вольности. Для его возраста это еще простительно; но ведь дети вырастают, и то, что было

позволительно вчера, завтра будет выглядеть неприлично. Осмелюсь высказать предположение, что, пока он не избавится от этого недостатка, он никогда не научится хорошо держаться в свете. Обратите внимание на то, что, находясь в обществе, он чувствует себя одиночным; из страха сгаснения, из робости он делает вид, что не видит никого, кроме отца, который служит ему удобным предлогом, чтобы отвлечься от остальных. Это вынужденное высокомерие, далекое от того, чтобы уничтожить его застенчивость, еще больше укрепит ее, так что и в дальнейшем он не осмелится ни посмотреть на собравшихся, ни ответить тем, кто к нему обратился. Для преодоления этого недостатка я считаю полезным, сударь, иногда сажать его подальше от вас, как за столом, так и в других местах, и почаще сталкивать его с чужими, чтобы приучить свободно чувствовать себя с ними.

Жаль будет, если из всего мною сказанного кто-нибудь заключит, что, желая избавиться от труда преподавать или вследствие дурного вкуса презирай науки, я не имею намерения приобщить к ним вашего благородного сына и что, обучив его самому необходимому, я на этом и остановлюсь, не побуждая его к образованию, соответствующему его положению. На такой вывод способны лишь люди, плохо меня знающие; всем остальным хорошо известно мое отношение к наукам; я достаточно занимался ими, чтобы добиться некоторых успехов, как бы скромны ни были мои способности.

Сколько бы ни твердили о бесполезности учения, как бы старательно ни отрицали его необходимость, преувеличивая его дурные последствия, знание все же всегда прекрасно и полезно; что же касается педантизма, то его создают не науки, а отсутствие дарований. Истинные ученые вежливы; они скромны оттого, что понимают, чего им недостает, и это удерживает их от тщеславия по поводу того, что они имеют. Только малоспособные люди, полуученные, думая, что превзошли все науки, высокомерно презирают все им неизвестное. Кроме того, любовь к знаниям — надежная поддержка в жизни, даже для военного. Очень приятно не нуждаться в содействии окружающих, чтобы получать радость от жизни; на свете совершается столько несправедливостей, любой из нас подвержен стольким превратностям, что можно почитать себя счастливым, ежели найдешь друзей и утешителей в тиши своего кабинета, за неимением тех, в коих свет нам отказывает или, сперва дав, затем отнимает.

Речь идет о том, чтобы внушить склонность к учению вашему сыну, который в настоящее время питает самое решительное отвращение ко всему, что связано с занятиями. Насилие здесь бесполезно; я уже объяснил это; начать же следует с самого источника такой антипатии к наукам. Источник этот — исключительная склонность к развлече-

ниям и безделью, которую он обрел, проводя время в шалостях со своими братьями и сестрою: в результате он не выносит, чтобы его хоть на мгновение отвлекали от этого, а потому с крайней неприязнью относится ко всему, что направляет его в сторону учения. Впрочем, я убежден, что у него нет ненависти к учению как таковому, напротив, его наклонности обещают многое. Итак, чтобы преодолеть это препятствие, можно предоставить вашему сыну другие развлечения, которые отвлекут его от пынущих пустяков, какими он занимается. Для этого надобно несколько удалить его от братьев и сестры, что невозможно сделать в моей комнате, слишком тесной для столь живого ребенка; замкнутая жизнь в таком помещении могла бы оказаться пагубной для его здоровья. Чрезвычайно важно, сударь, предоставить ему соответствующую комнату для занятий и отдыха; я постараюсь сделать ее приятной для него, украсив в меру моих сил; мы многоного достигнем, если ему понравится то место, где он должен заниматься. Затем, чтобы незаметно оторвать его от прежних опасных шалостей, я стану участником всех его забав. Я научу его таким новым развлечениям, которые еще более ему понравятся и возбудят его любопытство; игры, вырезывание, иногда рисование, музыка, эолипиль⁷, призма, микроскоп, зажигательное стекло и тысячи других редкостных мелочей позволят мне развлечь и мало-помалу привязать его к новому помещению так, чтобы ему нравилось там больше, чем где бы то ни было. С другой стороны, надо позаботиться о том, чтобы его присыпали ко мне тотчас же, как только он встает; никакие отговорки здесь непозволительны, он не должен сползти по дому без дела или находить убежище у вас в часы уроков. И наконец, чтобы заставить его проникнуться важностью его занятий и считать их превыше всего остального, не следует в эти часы заниматься его туалетом, причесывать или завивать его. Вот таким образом я взялся бы за то, чтобы пробудить в нем охоту к учению, чтобы он занялся им как бы по собственному побуждению. В часы занятий я пресеку любые виды развлечений и предложу ему работу, назначенную именно на это время. Если он не захочет выполнить ее добровольно, я даже не подам виду, что заметил это; я оставлю его одного томиться без развлечений до тех пор, пока скука, рожденная полным бездельем, не принудит его сделать то, что я от него требовал. Тогда я расхвалю его на все лады за выполненную работу, и моя радость заставит его почувствовать разницу между удовольствием от безделья и удовольствием, доставленным полезным занятиям. Если этот способ не удастся, я отнюдь не буду дурно с ним обращаться; но в этот день запрещу все развлечения, холодно сказав ему, что не собираюсь силой принуждать его учиться, но что развлечения

чения законны лишь тогда, когда они являются отдыхом от трудов; тот, кто ничего не делает, не имеет в них никакой надобности. Кроме того, соблаговолите, сударь, условиться со мною в отношении знака, которым, без видимости соглашения между нами, я смогу вам показать, так же как и его матери, что я им недоволен. Тогда холодность и безразличие, без малейшего, впрочем, упрека на его счет, которые он встретит со всех сторон, удивят его тем более, что он не заметит, когда я на него жаловался. Ему останется думать, что как дружелюбие и ласки старших являются естественной наградой за выполнение долга, так безделие и праздность несут с собою нечто неприятное, что сразу чувствуется окружающими, вызывая всеобщую холодность по отношению к нему.

Я знал одного нежного отца, который не настолько доверял наемному лицу образование своих детей, чтобы самому за ним не присматривать. Этот добный отец применял те самые приемы, о которых я здесь говорил, стараясь не пренебречь ничем, что могло пробудить в его детях охоту к приобретению знаний. Когда он допускал к себе детей, то, прежде чем к ним обратиться, он бросал взгляд на их гувернера. Если этот последний дотрагивался правой рукою до верхней пуговицы своего камзола, это означало, что он доволен, и отец выказывал сыну свою обычную благосклонность. Если гувернера трогал вторую пуговицу, то был знак полного удовлетворения, и отец держался с сыном безгранично нежно и ласково, обыкновенно добавляя к этому какой-нибудь небольшой подарок. Когда гувернер не делал никакого знака, это означало, что он недоволен, и холдность отца соответствовала недовольству наставника; когда же последний трогал левой рукою верхнюю петлю камзола, отец приказывал сыну удалиться, после чего гувернера сообщал ему о проступках ребенка. Я видел, как этот молодой сеньор в короткий срок приобрел прекрасные качества, и считаю, что нельзя не оценить высокий метод, который дал столь удачные результаты; именно гармония, полное согласие между отцом и наставником способны предопределить успех хорошего воспитания. Самому лучшему отцу нечего и надеяться на добрый результат, ежели он поручит сына невнимательному наставнику; точно так же труды умнейшего и усерднейшего из учителей пропадут втуне, если отец, вместо того чтобы действовать с ним заодно, погубит его работу неуместным вмешательством.

Мне кажется, сударь, для того чтобы учение было принято вашему благородному сыну, вы должны показать, что и сами много интересуетесь им, а потому благоволите иногда расспрашивать сына о его успехах, но только в подходящий момент и касаясь лишь тех дисциплин, в коих он больше всего успевает, дабы иметь возможность

выказать ему удовольствие и удовлетворение. Только не нужно достаточно громкие похвалы, способные внушить ему самодовольство и слишком высокое мнение о своих возможностях. А иногда, по реже, ваши вопросы должны касаться тех тем, в коих он не силен; тогда вы справитесь о его здоровье и о причинах столь слабого знания предмета, проявляя притом беспокойство, которое передается ему самому.

Если вы, сударь, или его мать пожелаете сделать сыну подарок, вы соблаговолите выбрать для этого такой момент, когда у нас будет больше всего оснований быть им довольным, или по крайней мере предупредите меня о вашем намерении заранее, и я постараюсь на это время избегать столкновений с ним; помните, что малейшее несоответствие в поведении взрослых напосыпь вред ребенку столь юного возраста.

Что касается самого порядка его занятий, то в течение первых двух или трех лет он будет очень прост. Мы разделим его время между началами латыни, истории и географии. Что касается латыни, то я не намерен принуждать к доскональному изучению ее и еще менее к латинским сочинениям на заданные темы. Тематические сочинения, по мнению Роллена⁸, истинный крест для детей; а так как я не собираюсь отвращать его от занятий, я и уберегу его от этого креста, а также ни в коем случае не стану вдалбливать ему в голову убогие галлицизмы из моей латыни⁹ вместо настоящей латыни Тита Ливия, Цезаря и Цицерона. Впрочем, юноша, в особенности если он предназначен к военной карьере, изучает латинский язык для того, чтобы понимать его; а не писать на нем; такой необходимости ему не придется испытать в жизни. Пусть научится понимать древних авторов, пусть приобретает путем их чтения любовь к хорошему латинскому языку и к художественной литературе — это все, что я от него в этом отношении потребую.

Что касается истории и географии, то вначале я дам ему общий обзор этих наук, откуда исключу все, что требует усиленной и бессмысленной зубрежки; неизбежные трудности в изучении хронологии и системы мироздания я оставлю для более старшего возраста. В остальном, немного отклоняясь от обычного плана занятий, я буду больше заниматься с ним новой, нежели древней, историей, ибо полагаю, что будущему офицеру надлежит хорошо знать современную историю; а также потому, что я вполне согласен с г-ном аббатом М.¹⁰, который сказал о новой истории, об истории Франции в частности, что она изобилует великими событиями не меньше, чем древняя, и что не хватает лишь хороших историков, чтобы так же прекрасно поведать о них. Я склонен также отменить для г-на де Сент-Мар-

ри все те виды занятий, которые, не принося серьезной пользы и отнимая многие годы жизни, изнуряют молодежь: риторика, логика и схоластическая философия, на мой взгляд, совершенно излишни для него, да и сам я мало способен преподать их ему. Только спустя несколько лет я дам ему прочесть «Логику» Пор-Рояля¹¹ и, кроме того, «Искусство красноречия» Б. Лами¹², но не затрудняя его при этом анализом троцк и образов и не посвящая в бесполезные ухищрения диалектики¹³. Я хочу лишь приучить его к точности и чистоте стиля, к порядку и логике в рассуждениях, воспитать в нем такую ясность ума, которая поможет ему отличить приукрашенную ложь от голой истины во всех случаях, когда представится необходимость.

Естественная история может ныне считаться самой интересной из всех наук, которыми занимаются люди. Знакомство с ней превращает восхищение результатами труда в любовь к самому работнику. Я не премину заинтересовать моего ученика вопросами, имеющими к этому отношение; я предполагаю подвести его к ним через два или три года, сперва приучив его читать «Зрелище природы»¹⁴, а уж затем Ньевентита¹⁵.

Нельзя изучать физику без знания математики, и он будет ею заниматься один год, эти занятия также воспитают в нем умение последовательно рассуждать и со вниманием подходить к решению задач, перед ним поставленных; такое умение отнюдь не помешает ему: усвоив его, он лишний раз заставит уважать себя в обществе офицеров, для коих знание математики и фортификации составляет часть профессии.

Наконец, если случится, что я останусь при моем ученике на длительный срок, я попробую дать ему некоторые представления о морали и естественном праве путем чтения Пуфendorфа и Гроциуса¹⁶, ибо каждый порядочный и разумный человек обязан знать принципы добра и зла, а также основы устройства того общества, частью которого он является.

Устанавливая таким образом последовательность наук для моего ученика, я отнюдь не упускаю из виду историю — главный предмет всех занятий, ибо она давно уже проникла во все другие науки. Через несколько лет я подведу вашего сына к более последовательному и подробному изучению ее основных положений и постараюсь, чтобы он извлек из истории всю ту пользу, на которую можно рассчитывать при таком обучении.

Я намерен также сделать занимательный отдых из того, что называют изящной литературой, знакомя его с книгами и их авторами, с критикой, поэзией, стилем, красноречием, театром, одним словом,

со всем, что может содействовать формированию его вкусов и способно обучить развлекая.

Надеюсь, после того как я наметил общее направление, по которому я думаю следовать в занятиях с моим учеником, ваш уважаемый брат¹⁷ сдержит данное вам обещание и составит проект, который послужит руководством на столь новом для меня поприще. Я заранее прошу его поверить в мое намерение выполнять этот проект с такой точностью и тщанием, которые убедят его в моем глубоком уважении ко всему, что исходит от него. Осмелюсь заявить вам, что все мое усердие и преданность послужат к тому, чтобы его благородные племянники стали безупречно воспитанными людьми.

Комментарии*

Проект воспитания де Сент-Мари (с. 5—19)

Написан в 1743—1745 гг. Впервые издан в 1782 г. На русском языке публикуется впервые. Перевод И. Я. Болевич по изданию: *Rousseau J.-J. Oeuvres complètes. T. IV.— Paris, Bibliothèque de la Pléiade, 1969.*

В 1740 г. Ж.-Ж. Руссо исполнял в Лионе у начальника судебных установлений Мабли обязанности наставника его детей: пятилетнего Жана-Антуана и шестилетнего Сент-Мари. В письменной форме он изложил судье свои взгляды на воспитание и обучение Сент-Мари. Работа известна под названием «Мемуар, представленный г-ну де Мабли о воспитании его сына». Позже по просьбе г-жи Дюпен Руссо переработал (1743—1745) трактат, текст которого помещен в настоящем издании.

Руссо намеревался пробыть в должности наставника детей Мабли 2—3 года. Но уже в 1740 г. он оставляет Лион. В дальнейшем Руссо признавал, что его первый опыт в роли воспитателя оказался неудачным (см.: Исповедь, кн. 6).

«Проект...» свидетельствует о знакомстве Руссо с тогдашней педагогической мыслью Франции (Ш. Роллен, К. Флери, ораторианцы). Идеи предшественников получили у Руссо отчетливое отражение. Руссо резко осудил схоластическую школу, продолжил разработку рекомендаций по преподаванию естественно-научных предметов. Руссо по-своему осмыслил суждения Фенелона о формах обучения, авторитете наставника, сотрудничестве учителя и родителей. Обращаясь к известным ему педагогическим идеям, Руссо, однако, выступил как оригинальный мыслитель.

Автор «Проекта...» считает нравственное воспитание главнейшей и первоочередной педагогической задачей. Он формулирует цель воспитания: «...сформировать сердце, суждения и ум, и именно в том порядке, в каком я назвал их». Руссо намечает конкретную программу обучения своего воспитанника.

«Проект...» — первое педагогическое сочинение Руссо, но в нем нашли отражение идеи, которые будут продолжены и развиты Руссо.

1. «Начатками» в XVIII в. в Западной Европе называли учебник основ латинской грамматики.
2. Речь идет о Жане-Антуане Бонно де Мабли (Кондильяке) — брате де Сент-Мари.

* В отдельных примечаниях использованы данные комментариев изданий: *Rousseau Ж.-Ж. Трактаты.— М., 1969, и Rousseau Ж.-Ж. Избранные сочинения. В 3-х т.— М., 1961.*

3. Руссо имеет ввиду сочинение французского писателя Жана Лабрюйера (1645—1698) «О человеке».
4. Речь идет о Габриэле-Бонно де Мабли (1709—1785) — французском философе, историке, первая крупная работа которого — «Параллели между римлянами и французами» — появилась в 1740 г. — в год написания первого варианта трактата.
5. Неточная цитата из пьесы «Смешные жеманницы» Ж.-Б. Мольера.
6. *Варрон Марк Теренций Реактинский* (116—27 до н. э.) — римский политик, писатель, историк.
7. *Эолипиль* — физический прибор для определения воздушных потоков.
8. *Роллен Шарль* (1661—1741) — ректор Парижского университета, один из основоположников национальной французской школы, автор восьмитомного «Трактата об обучении». Роллен кодифицировал тогдашние нормы обучения и воспитания во Франции. Первый том его трактата посвящен дошкольному воспитанию в семье, второй — обучению языкам, третий и четвертый — преподаванию истории и риторики, пятый, шестой, седьмой — изучению морали, восьмой — формам и методам обучения.
9. Имеются в виду учебные пособия Пьера Ресто «Краткое изложение принципов французской грамматики» (1732) и «Основные принципы и начала французской грамматики», Р.-Д. Франсуа-Серафина «Трактат о французской грамматике» (1705), П. Бухура «Сомнения относительно французского языка» (1674). По этим пособиям обучались французскому языку во времена Руссо.
10. Имеется в виду работа Г.-Б. де Мабли «Параллели между римлянами и французами».
11. «Логика» — учебник, изданный в 1662 г. французскими теологами Антуаном Арно и Пьером Николем. Учебник предназначался для «малых школ», созданных при монашеском ордене «Оратории». Авторы учебника принадлежали к кругу педагогов, объединявшихся при аббатстве Пор-Рояля. Кружок Пор-Рояля вел борьбу с иезуитами.
12. Учебник «Искусство красноречия» Б. Лами (1640—1715) Руссо высоко ценил.
13. Диалектика как особый предмет входила в программы обучения в XVIII в.
14. «Зрелище природы» — сочинение аббата Плюша (1688—1761), французского писателя, педагога. Плюш был преподавателем колледжа в Реймсе, а затем руководил Лионским коллежем.
15. *Ньевентит Бернар* (1654—1718) — голландский врач, математик, религиозный философ, автор трактата «Существование бога, доказанное чудесами природы» (1715).